

КОНГЕНИАЛЬНОСТЬ О философе **МЫСЛИ** Мерабе Мамардашвили

Редактор-составитель
В.А.Кругликов

Москва
Издательская группа
«Прогресс»
«Культура»

К64 Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. — М.: АО Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1994 — 240 с.

Настоящим изданием Фонд философских и междисциплинарных исследований начинает публикацию материалов философских чтений, посвященных памяти Мераба Мамардашвили. Здесь и воспоминания о философе, и научные статьи о нем, и его собственные тексты и дискуссии.

К 0301020000-090 без объявл.
006(01)-94

ББК 87.3

Фирма «Культура»

Издание осуществляется при поддержке
Гуманитарного и политологического центра «Стратегия»

© Фонд философских и междисциплинарных исследований им. М.К.Мамардашвили
© АО ИГ «Прогресс», 1994

ISBN 5-01-004439-0

От составителя	7
Ю.П.Сенокосов. Вступительное слово	9

ТЕМЫ И НАЧАЛО

Н.В.Мотрошилова. Цивилизация и феноменология как центральные темы философии М.К.Мамардашвили	17
Дискуссия	32
Ю.П. Сенокосов. Конгениальность мысли	48
М.К.Мамардашвили. «Одиночество — моя профессия...» (Интервью в записи У.Тиронса)	59
Г.Т.Маргвелашвили. Своеобразие философии М.Мамардашвили (Интервью в записи У.Тиронса)	80

«КАК» И «ЧТО» НА ТРОПЕ МЫСЛИ

М.К.Мамардашвили. О призвании и точке присутствия (Из курса лекций о Марселе Прусте)	93

СПОР МЕЖДУ «ЧТО» И «КАК»

В.А.Погоорога. Начало в пространстве мысли (Мераб Мамардашвили и Марсель Пруст)	125
Дискуссия	138
В.В.Калиниченко. Об одной попытке «децентрализовать» Мераба Мамардашвили	154

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Б.Мёрчленг (США). В кругу идей М.Мамардашвили (пер. А.Григорьянц)	177
В.А.Крутлюков. «Не-стать» Другим	198

II

Ю.П.Сенокосов. Насилие и структура рациональности	208

Ф.Бубайер (Лондон). Моральные уроки советской истории: опыт противостояния злу (Заметки о семинаре)	220

III

Воспоминания родных и друзей	227
Густаво Пита Сеспедес (Гавана). Письмо	237

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящим изданием Фонд философских и междисциплинарных исследований им. М.К.Мамардашвили начинает публикацию материалов Философских чтений, посвященных памяти Мераба Мамардашвили, которые мы планируем проводить ежегодно. Первые чтения состоялись в Москве в Институте философии Российской академии наук 10—11 марта 1992 года.

Как составитель в процессе подготовки книги к печати я столкнулся с двумя трудностями.

Во-первых, пришлось иметь в виду, что в представлениях о Мамардашвили его образ, как правило, удвоен: это образ философа в контексте его философии и одновременно образ личности человека, который жил с нами и среди нас, но о котором мы мало что знаем. К тому же после 25 ноября 1990 года я с удивлением вдруг обнаружил, что его смерть повлияла и на восприятие его философии: ведь живой Мераб Константинович был вполне доступен и была возможность непосредственного обращения к нему, возможность получить ответ на личный вопрос.

Во-вторых, как всякий образ крупного мыслителя, образ Мамардашвили раздроблен, фрагментарен, подобно тому как у каждого из нас существует свой образ прочитанного. Но философия Мамардашвили еще не прочитана, хотя и оказалась прослушанной. Многие его тексты были лишь УСЛЫШАНЫ.

Сократическая природа философского дара Мамардашвили явила его нам, если угодно, в качестве уникального события живой, зримой метафизики, которая реализовывалась прежде всего в речевой деятельности, являя собой одновременно и текст и произведение.

В чем здесь дело?

Пожалуй, трудно найти другого мыслителя, так остро чувствовавшего, как Мамардашвили, что во второй половине XX века в силу многих причин мы оказались фактически в ситуации смерти слова. Когда слово и речь как бы погрузились в анабиоз и вместо естественной потребности в размышлении мы испытываем скорее потребность в обмене информацией, в передаче сведений. Когда наше речевое пространство, заполненное разбухшими языковыми телами, буквально вытеснило мысль, она вязнет среди пустых вербальных знаков, лишь имитирующих Слово. Проявиться в таком мире мысли, а следовательно, и слову чрез-

МОРАЛЬНЫЕ УРОКИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ:
ОПЫТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЗЛУ
(Заметки о семинаре)

«Одно из духовных преступлений коммунизма... состояло в том, что он отменил понятия «грех» и «порок» и заменил их понятиями «ошибки», «недостатки». Так закончил свое выступление «На пути к покаянию» Юрий Карякин, советник Бориса Ельцина по вопросам культуры и специалист по Достоевскому, на семинаре «Моральные уроки советской истории», который состоялся в августе 1992 года в конференц-центре движения «Моральное перевооружение» в швейцарском местечке Ко. В семинаре участвовали известные общественные деятели и ученые как из России, так и из стран Запада. Заключительные слова Ю.Карякина касались существа проблемы. Нельзя покаяться, пока ты не признал, что совершил злодеяние; слово «покаяние» предполагает моральное усилие, связанное не просто с признанием ошибки (ибо последняя сводится всего лишь к недостатку информации), но с осознанием зла; предполагает личную ответственность и вину. Главное преступление коммунизма, по словам Карякина, заключалось в том, что он исключил моральный акт личного выбора из процесса исторического созидания.

Русский семинар в Ко был пробным, экспериментальным начинанием. Со времен второй мировой войны конференц-центр в Ко служит местом для человеческого общения и обмена опытом в целях укрепления мира в Европе, но в нем еще никогда не происходили встречи академического характера. Семинар «Моральные уроки советской истории» был первым шагом в этом направлении. Открывая его, Юрий Сенокосов, председатель Фонда им. М.К.Мамардашвили, выразил надежду, что выступления его участников будут содержать в себе не только личные воспоминания, но и элементы философского анализа и размышления. Устроители семинара исходили из того, что сам предмет обсуждения неизбежно предполагает сочетание обоих этих подходов, поскольку опыт переживания зла, равно как и покаяние, является глубоко личным опытом. Как опыт изменения личности, покаяние не может быть превращено в некий «метод», и поэтому было важно попытаться сосредоточиться не на внешней критике зла, а на опыте преодоления его в себе. Трудно однозначно оценить, насколько удалась поставленная задача. Тот, кто предпочитал вести обсуждение в рациональном русле, возможно, ос-

тался неудовлетворенным другими выступлениями, полагая, что они были перегружены личными свидетельствами. Те же, кто отдавал предпочтение опыту перед теорией, тоже, возможно, остались недовольны, так как диалог по временам забирался на вершины абстракции. Но большинство участников семинара нашли предложенное сочетание подходов в высшей степени продуктивным, и многие, покидая Ко, выражали надежду, что опыт прошедшей встречи так или иначе получит свое продолжение.

Анализировать зло нелегко, и на протяжении всей работы семинара наблюдались достаточно отчетливые расхождения в подходах. Выступавших в дискуссии можно разделить на две группы: внимание одних концентрировалось главным образом на индивидуе внутри системы, других — на самой системе. В первой группе выступавших сильное впечатление произвело выступление Лейфа Ховельсона, участника антинацистского Сопротивления в Норвегии (вместе в Брайаном Хэмлингом из Бостона Лейф Ховельсон был организатором конференции с западной стороны). Ховельсон говорил об испытаниях во время войны, об опыте «живого нравственного сознания», о страданиях, перенесенных им в гестапо, и о внутренней борьбе, с этим связанной; с одной стороны — искушение пойти на компромисс с нацистами, а с другой стороны — против искушения мести после поражения нацизма. Таким образом, было обрисовано внутреннее религиозное состояние души, поставленной перед лицом зла. Наиболее ярким представителем другой точки зрения был Эрнест Геллнер, профессор социальной антропологии из Кембриджа (Англия). Геллнер, рассматривая индивида как составляющую общественного развития, указал на несостоятельность картезианского представления о рациональном индивиду. История показывает, отметил он, что большинство людей формируются обстоятельствами окружающего их мира и обретают свои ценности извне. Некоторые выдающиеся индивиды, правда, не подчиняются этому закону, но они — лишь исключение из правил. Современный тоталитаризм стбит поэтому, сказал он, рассматривать как частный случай общего процесса модернизации, в связи с обретенной научной самоуверенностью человечества. Попытка такого грандиозного социального эксперимента, как советский коммунизм, была в определенном смысле неизбежна.

За такого рода различиями в подходах скрывались, несомненно, расхождения идейного характера, но частично они были связаны и с различиями дисциплинарного порядка. Так, среди выступлений историков особенно примечательным был доклад Джеффри Хоскинга, профессора русской истории Лондонского университета, о концепциях русского государства. Джеффри Хоскинг предложил рассматривать советскую систему как результат сочетания трех факторов: российской самодержавной госу-

дарственной традиции, марксистского научного мировоззрения и методов мобилизации масс после первой мировой войны. Алексей Салмин, политолог из Фонда Горбачева, выступил с сообщением «Советская политика как моральный феномен». Советская политическая система, утверждал он, — это своего рода техническая попытка устранить из мира грех без помощи Бога. В конце концов она исчерпала себя, но было бы неверно думать, что это произошло в результате победы добра над злом; скорее всего, жизнь как таковая восторжествовала над системой.

Сочетание разного рода подходов привело в итоге к широкому спектру истолкований советского коммунизма, который оказался весьма конструктивным. Правда, в своем выступлении Григорий Померанц сравнил в какой-то момент участников дискуссии со слепцами, исследующими на ощупь слона. Прозвучало сомнение в том, можно ли в принципе сказать что-либо определенное о самом слоне, даже ощутив его до хвоста. Салмин утверждал, что извлечь какие-либо общедоступные моральные уроки в этой связи вряд ли удастся, но тем не менее советскую систему изучать нужно. Эту же проблему затронул в своем выступлении Николай Плотников, молодой специалист по Гегелю из России. В связи с исследованием русской истории, сказал он, проблема заключается в избытке морализма по ее поводу; необходимо развитие объективной, нейтральной историографии. Тем более, заметил Салмин, что советская история притягивает нас к себе, она — «сильнее нас».

Выступая с сообщением «Проблема насилия и структура рациональности», Юрий Сенокосов подчеркнул, что крайняя степень зла, выпавшего на долю России, очевидна и насилие само по себе, может быть, и объяснимо, но непостижимы его масштабы. Поэтому задача отнюдь не проста и воинственное противостояние злу не менее опасно. Еще Ницше, напомнил он, говорил, что тот, кто борется с чудовищем, не должен забывать, как легко самому превратиться в чудовище. Будем же осторожны, заключил он, пытаюсь постичь прошлое. Ибо наше страстное желание добиться правды, каким бы справедливым оно ни было, может вновь привести к насилию. Здесь важна некая внутренняя самодисциплина.

Эта же проблема была затронута и Григорием Померанцем. «Бесы» Достоевского, сказал он, в свое время не встретили должного понимания публики по той причине, что автор романа руководствовался в конечном счете разоблачительными мотивами в борьбе с заблуждениями «западников»; это был своеобразный монолог, направленный против последних. В своей же пушкинской речи Достоевский продемонстрировал готовность вступить в диалог, и этот опыт оказался более продуктивным. Причиной перемены, согласно Померанцу, была победа Достоевского над самим собой. Что именно он имел в виду, осталось все же не

вовне ясным. Витторио Хёсле, профессор Тюбингенского университета, отреагировал, однако, в своем выступлении на то, что, по его мнению, указывает на свойственное русским особое внимание к нравственному целому знанию. «Я согласен, — сказал он, — существуют истины, постижимые в их подлинной глубине лишь тогда, когда мыслитель обрел определенный жизненный опыт. Одним из величайших достижений греческой и средневековой христианской культуры было убеждение в том, что есть такие истины, которые открываются лишь тому, кто поработал над собой». К сожалению, продолжал он, Запад забыл об этом, Запад выработал систему, где информацией обмениваются вне всякой связи внутренней с личным опытом. Померанц же, продолжая размышление о Достоевском, заявил, что истоки зла лежат в страсти к правоте, из которой и проистекает дух ненависти. «Вечен дух ненависти в борьбе за правое дело», — заключил он.

Как противостоять злу, не заражаясь его ядом? Можно ли быть моральным, не впадая в морализм? Таковы были темы, поднятые Евгением Барабановым в докладе «Автономные и теономные системы этики». Барабанов начал с положения, что расхождения между двумя указанными видами этики не обязательно носят решающий характер. А.Д. Сахаров, например, хотя и не был верующим, придерживался морального кодекса, в котором заключались и элементы трансцендентного; как сказано о последнем суде в Евангелии от Матфея, важны наши дела, а не слова. Главный водораздел, согласно Барабанову, пролегает не между названными системами, но между ними, с одной стороны, и тем, что он назвал «авторитарными системами этики», с другой. Теономные системы по своей природе ориентированы на личность, на индивидуальное «я». Авторитарные же — всегда на коллективную общность, на «мы». Теономные системы сопряжены с абсолютным моральным должествованием, не абсолютизируя мораль как таковую. А авторитарные, являющиеся извращенным подражанием теономным системам, превращают саму мораль в абсолют и становятся тем самым «моралью господства». При этом он имел в виду коллективистский кодекс советской коммунистической морали, но отметил также, что подобными установками объясняются отчасти и трагические компромиссы Русской Православной Церкви.

В заключение Е. Барабанов процитировал запись в дневнике, сделанную в 1942 г. русским философом Семеном Франком: подлинным победителем фашизма в конечном счете окажется тот, «кто первым начнет прощать. Это и значит: победит Бог».

Опыт Лейфа Ховельсона свидетельствует, что прощение возможно, хотя путь к нему весьма нелегок. Салмин, со своей стороны, заметил, что бороться с ненавистью в высшей степени трудно. В известном смысле целью семинара и был поиск

средств противостояния злу и ненависти. Так, во всяком случае, сформулировал ее в своем вступительном слове Ю. Сенокосов: исследование прошлого с целью предотвращения насилия в будущем. Таким образом, у семинара было и своеобразное практическое измерение — исследование возможностей ненасильственной альтернативы развития для России. Лен Карпинский — в прошлом один из лидеров советского комсомола, а ныне главный редактор «Московских новостей» — подчеркнул свою заинтересованность не столько, как он выразился, в «глубокомысленных теориях, сколько в практической политике». Покаяние, заявил он, — насущный политический вопрос: верно понятое и осуществленное, оно могло бы стать «реальной альтернативой силовым решениям российских проблем».

Л. Карпинский, отец которого был в свое время соратником Ленина, выступая на семинаре, рассказал о своем жизненном пути при советском режиме. Он озаглавил свое сообщение по-солженицыновски — «Жить не по лжи» и с подкупающей искренностью говорил о своих взаимоотношениях с коммунистической партией и попытках бороться за реформы внутри системы. Он несколько раз подавал заявления о приеме в партию, дважды был принят и в конце концов сам вышел из нее после кровавых событий в Литве в январе 1991 года. «Это, конечно, может показаться смешным, — заметил он, — но, в общем, это отражает нашу эволюцию попыток преодоления лжи...» Вслед за покойным Мерабом Мамардашвили, назвавшим СССР «антиобществом», Карпинский охарактеризовал его как феномен абсолютного «антимира», в котором было невероятно трудно установить, где именно заключена ложь. Многие искренне пытались найти пути неучастия во лжи, оставаясь внутри советской системы. Внутри этого запутанного мира такие люди, как он, Карякин, Евтушенко и другие, сформулировали для себя критерий «интеллектуальной совести», который заключался в следующем: если ты понял, что что-то действительно верно, то был обязан действовать в соответствии с таким пониманием. «Это, — подчеркнул Карпинский, — и было самым трудным для большинства». В заключение он указал на большую живучесть тоталитарного сознания. Внешне умирая, коммунизм способен продлевать свое существование в новых формах, например в «коммерциализированном тоталитарном образовании».

Реагируя на выступление Карпинского, Карякин обратился к литературному образу. Киплинг, сказал он, создал гениальный образ Маугли, который, будучи человеком, вырос среди волков. Человек же, который вырос среди волков, вырастает с волчьим сознанием. «Мы — Маугли, и это надо признать», — подытожил Карякин, имея в виду поколения людей, родившихся после 1917 года. Карпинский, согласившись с этим, добавил, что когда он второй раз вступал в партию в 1988 году, то действовал в соот-

ветствии с инстинктивным убеждением, что лишь через партию может быть продолжен процесс реформ, — «мое мышление и выбор были предопределены партийным воспитанием. Но был в этом решении и другой момент», — заметил он. С одной стороны — благородные мотивы. С другой же стороны, вступление в партию было связано с возможностью стать политическим обозревателем в газете. Присутствовал и корыстный мотив. Поэтому, заключил Карпинский, было бы неверно думать, что большинство рядовых членов партии были жертвами системы — ведь все они знали, насколько их карьера связана с их убеждениями.

Ю. Карякин заметил, что он не может участвовать в суде над КПСС, так как сам был ее членом. Это замечание нашло отклик у Вячеслава Игрунова, бывшего диссидента и одного из основателей общества «Мемориал». Хотя он боролся с коммунистической системой большую часть своей жизни, Игрунов все же задался вопросом, все ли он сделал, что было в его силах. Его эмоциональное выступление, смутившее некоторых участников семинара, обострило дискуссию и поставило проблему противостояния злу в конкретную плоскость, применительно к людям с самым разным жизненным опытом. «Всем нам не хватает смелости обнаружить зло в себе», — подчеркнул В. Игрунов и добавил, что не следует винить в этом одну лишь компартию за злодеяния, в которых был повинен весь народ.

Эмоционально насыщенные выступления Карпинского, Карякина, Игрунова выявили, до какой степени труден путь к осознанию прошлого и того, что же есть добро и зло в конкретных условиях, когда людям приходится реально выбирать некую альтернативу, которая в свою очередь оказывается не столь уж «безгрешной», и когда даже самые добрые намерения могут «оправдывать» существующее насилие.

Выступавшие отмечали, что зло коммунизма нельзя недооценивать. В отличие от фашизма, коммунизм, по их мнению, характеризовался более резким (хотя и менее заметным) расхождением между его доктриной и реальностью, поскольку человек верил в определенный набор слов совершенно независимо от того, каким было фактическое положение дел. Коммунизм вовлек практически каждого человека во всеохватывающую преступную систему и подрывал основы человеческой морали и духовной жизни как таковой. Участники семинара при этом называли атеизм в качестве основы коммунистического насилия и предложили создать «Библиотеку покаяния и исповеди» — собрание материалов и документов, которые бы помогли людям России понять самих себя. Ведь даже Сахаров, заметил Геллер, хотя и выступал против «реального социализма», но и он, в общем, принимал заданную им картину мира. А Солженицын, по словам Карякина, некогда верил в Ленина и признавал, что его спасло только чудо. Но если даже эти великие люди оказались

не безгрешны в отношении веры в коммунистические идеи, то не должно быть никаких иллюзий, что коммунизм уже побежден. «Мы находимся в самом начале духовного и нравственного одоления коммунизма, — сказал Карякин, — и не будем обольщаться внешним его крахом. По-видимому, дело все же не в том, что был период греха, а теперь период покаяния. В каждой точке нашего духовного бытия все это присутствует до последнего мгновения нашей жизни». Подобный вывод подводит, по существу, итог тому, что явилось самым важным в работе семинара. Сталинизм, действительно, не может рассматриваться как «ошибка». И хотя, вероятно, не все участники семинара были согласны с данным определением зла, это слово достаточно адекватно передает смысл того, что произошло в советской истории. Не признав зла, невозможно говорить о покаянии; зло и покаяние суть конкретные стороны человеческого естества. Быть может, именно в этой области — области, которая может быть охарактеризована как изучение естества человека в чрезвычайных исторических обстоятельствах, — советская история окажется наиболее поучительной для всех нас.

III

ВОСПОМИНАНИЯ РОДНЫХ И ДРУЗЕЙ

Абел Мамаргашвили, врач-психиатр

Со дня безвременной кончины нашего дорогого Мераба прошло больше года, но мне все еще трудно и сегодня спокойно вспоминать о нем и рассуждать о том, каким «был» этот незаурядный человек, что он любил и чего не любил, чем увлекался, как жил и мыслил.

Попытаюсь все же, откликаясь на вашу просьбу, хотя бы коротко рассказать о его детстве и юности, о днях, которые мы провели вместе.

Отец Мераба и мой отец были очень дружными двоюродными братьями-однолетками, оба родились в Лечхуми (горная область Западной Грузии). Оба сделали сходную военную карьеру, были всю жизнь близки и даже скончались в один и тот же год (отец Мераба умер от сердечного приступа через месяц после смерти моего отца в 1970 г.). Добрая и верная дружба наших отцов, которая основывалась, конечно же, не только на родственной, но и на нравственно-духовной близости, передалась и нам, их сыновьям.

Мы тоже были однолетки. Я на четыре месяца был старше Мераба, и это давало мне в детстве возможность пошучивать по поводу своего «старшинства», хотя внутренне я всегда чувствовал его превосходство. В нем уже тогда проступала какая-то своеобразная, отличавшая его от всех нас, сосредоточенность, углубленность «в себя», в далеко не детские вопросы о тайнах человеческой жизни и смерти, о бесконечности и пространстве.

Особенно мы сблизились с Мерабом за последние четыре школьных года, которые провели буквально бок о бок, сидя неизменно за одной партой с 8-го по 11-й класс мужской средней школы № 14 г.Тбилиси, которую окончили в 1949 году с отличием. Потом мы часто и тепло вспоминали нашу школу, в которой не только педагоги были замечательные, но и вся атмосфера отличалась какой-то особой человечностью, духовностью. Не случайно столько интересных людей вышло из ее стен. С нами вместе учились в те годы такие впоследствии известные ученые и общественные деятели, как С.Матинян, Е.Примаков, Ш.Шахназаров, Б.Рацер, И.Букреев, А.Шарашенидзе, И.Э.Иванян и многие другие.